

23 МАЯ 1980

Ж

ТРУД
Москва

К 75-летию

Михаила Александровича
ШОЛОХОВА

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

Мне много лет. Я принадлежу к тем представителям рабочего класса, которым народ дал имя «стахановцы». Меня, как и многих моих товарищей — передовиков труда первых пятилеток, сейчас часто приглашают принять участие в торжественных собраниях, в праздничных вечерах, диспутах, просят рассказать о трудовом подвиге ветеранов советского рабочего класса. Молодежь порой задает нам вопросы и не относящиеся к заранее запланированной теме выступления или дискуссии. Да так-то оно и лучше...

И вот что примечательно: очень часто нас спрашивают о Михаиле Александровиче Шолохове. Что мы думаем о его книгах? Встречались ли с ним? Как его здоровье? Приходится рассказывать о Михаиле Александровиче. Я с ним встречался на сессиях Верховного Совета, на съезде партии. Помню первую нашу встречу. Нас познакомил знаменитый комбайнер Константин Борин. Он — кубанский казак, Шолохов — донской. Разговор вышел теплым, но, увы, коротким...

Я не раз думал, чем объяснить столь горячий интерес к личности Шолохова. Да, это знаменитый писатель, классик советской литературы. Но в вопросах о Шолохове, которые мне задавали, я слышал нечто большее. А именно: для многих и многих людей разных поколений, профессий, взглядов Шолохов стал близким человеком, к которо-

му хочется лично обратиться за советом, чье мнение всегда важно и интересно.

Немало есть хороших книг. Они волнуют, обогащают, но не вызывают желания познакомиться лично, поговорить с их автором. А есть иные книги, которые такое желание вызывают! Дело тут не в литературных достоинствах — они могут быть равными. Тут какая-то тайна — не только творчества, но и человеческого сердца писателя.

Так вот, Михаил Шолохов из тех писателей, с кем хотелось бы разговаривать. Открывать душу. Доверять очень для тебя дорогое. Тут уж я сужу не только по другим — по себе. Я бы очень хотел общаться с этим человеком. О чем бы стал говорить с Михаилом Александровичем? Наверное, рассказал бы о том, что для меня трудно, в чем радость, какие у меня товарищи, друзья. Рассказал бы о своем заводе, о работе. Не отнесите это за счет нескромности, но почему-то я уверен: Шолохову было бы интересно послушать меня. Дело в том, что я сам пишу, одна моя книга уже вышла, другая выходит, и я знаю: счастливы те, чье творчество побуждало читателя поведать автору о себе.

Вспоминаю, как впервые прочел «Тихий Дон» и «Поднятую целину». Это было в тридцатых годах. Я ничего не преувеличиваю и не приукрашиваю — у нас на заводе буквально все говорили об этих книгах.

Помню споры, которые шли в нашей бригаде, — о Григории Мелехове, о Макаре Нагульнове... А в сущности — о жизни: что бы ты сделал, а как бы ты повел себя? Шолохов писал о донских казаках, но в то же время его книги были и обо всех нас.

Не упрекайте меня в пристрастии, но меня, рабочего, поразило — и я запомнил это на всю жизнь — один эпизод из «Поднятой целины». Питерский рабочий Давыдов, отправляясь на Дон организовывать колхоз, берет с собой шкапулку со слесарным инструментом. Зачем ему там слесарный инструмент? А если и незачем — чисто утилитарно незачем, то ведь все равно понятно, что побудило Давыдова это сделать. Как глубоко и ярко высвечивает думу человека эта вроде бы незначительная деталь — она сущность его открывает! И вызывает очень точное, которого и добивался автор, отношение читателя к герою.

На всем протяжении романа это отношение к герою будет подтверждаться, становиться шире и глубже. Сколько прекрасных страниц отдано Давыдову, каким замечательным человеком он предстанет: убежденным, верным партии, нежным, трогательным... Я не случайно ставлю эти слова в один ряд, потому что шолоховское понимание образа настоящего коммуниста необычайно человеечно.

Знаете, чем меня более всего по-

ризал Давыдов? Доверчивостью. Почему он не скоро прозревает в своем отношении к Якову Лукичу Островнову — организатору заговора против Советской власти? Ведь умница Давыдов суть вещей умеет видеть, даже предвидит многое — и прав почти всегда! Так почему враг его обводит вокруг пальца? А потому, что доверчив Давыдов, как многие чистые, с добрым сердцем люди. Трагедия доверчивости раскрывается на страницах книги почти с шекспировской глубиной и эмоциональностью. Давыдов — мой любимый шолоховский герой. И я благодарен Михаилу Александровичу за то, что коммуниста он рисует вот таким — не однозначным. Образ его получился не идеализированным и все же подкупающе обаятельным.

Удивительно умение Шолохова обрисовать и многими оттенками окрасить характер, не прибегая к собственным оценкам. Ему незачем навязывать что-либо читателю, он рассказывает, показывает, что думает, чувствует, как поступает герой, чем продиктованы его поступки — иными словами, погружает читателя во внутренний мир героя. А оценка? Читатель приходит к ней сам — через собственные слезы, через собственную радость, через споры с самим собой, через восхищение или отвращение, через жгучий интерес. И уж только после этого автор позволяет себе впрямую сказать, что он сам чувствует: «Вот

и теплы донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову...»

Снова вернусь к эпизоду из «Поднятой целины», о котором говорил. Приехав в Гремячий Лог, свой слесарный инструмент Давыдов подарил сельскому кузнецу. Я вижу в этом символ великого единения всех тружеников. И снова проявляется особенность шолоховского таланта: ничего не оставлять без развития в своей книге. Давыдов становится родным человеком для всех казаков, ставших благодаря ему колхозниками. «Любушкой Давыдовым» называют его. Сроднились эти люди, сроднились цели их жизни. Писателю очень важно, чтобы читатель почувствовал это родство, потому что цель его — показать, как воплощается в жизнь гуманистический идеал лучших людей России. Прошедшие через испытания герои книги ощущают кровное единство с партией, со всеми тружениками, со всей страной. Их счастье — великое завоевание революции. И читателю это открывается во всей полноте.

Почему я начал разговор о творчестве Шолохова с «Поднятой целины»? Уж очень дорога мне идея единства и братства людей труда. Я и о «Тихом Доне» хотел бы сказать, исходя именно из этой позиции. Безусловно, «Тихий Дон» — прежде всего эпопея о жизни казачества. Но останься книга в этих границах, не была бы столь велика

ее слава. «Тихий Дон» — книга о России, обо всем нашем народе.

Глобальное, общечеловеческое — вот чем потрясает «Тихий Дон» читателя. Но потрясает оттого, что Шолохов, показывая исторический процесс, в центр его ставит прежде всего человека. Роман густо населен, и каждый его герой интересен и автору, и читателю. Мы узнаем о людях, об укладе их повседневной жизни, об их любви и ненависти, мечтах, победах, страданиях... И уж потом приходит осознание того, что писатель охватил сложнейший социальный процесс.

Замечу: в годы гражданской войны я батрачил на Дону и на Кубани, многое видел из того, что описал Шолохов. Неправды у него нет.

О произведении Шолохова хочется сказать очень много. Невелик рассказ «Судьба человека» — а как прекрасен! Не закончен роман «Они сражались за Родину», но герои его уже полюбили читателей. Книги Шолохова пронизаны любовью. Мужчины — к женщине, отца — к ребенку, земледельца — к святому своему труду. Сыновней нежностью к старикам, восхищением расцветающей юностью. Короче — любовью к жизни.

Бывает так: прочитаешь книгу и чувствуешь — в чем-то ты стал другим. В чем-то изменился. Наверное, можно это проанализировать, но что-то окажется и не поддающимся анализу. Ведь книга — всегда чудо, если это произведение подлинного искусства.

Вот такие книги и написал Шолохов.

Иван ГУДОВ,
Герой Труда,
Социалистического
МОСКВА.